

УДК 181.161.1

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ ГОВОРОВ КОСТРОМСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ
(междуречье Костромы и Унжи)**

***Ключевые слова:** Костромское Заволжье, междуречье Костромы и Унжи, Костромской акающий остров, низина, болото.*

Объектом рассмотрения заявленной темы в данной статье являются географические номинации (обозначение низменных мест) и связанные с ними однокоренные наименования иных тематических групп пространства Междуречья Костромы и Унжи, где значительную по протяжённости площадь занимает компактная территория Костромского акающего острова. Задача данной статьи – определить номинативные качества, структурно-семантические и функциональные особенности рассматриваемой лексики как показатель места анализируемых говоров в диалектном членении русского языка.

N.S. Gantsovskaya
Nekrasov Kostroma State University

**GEOGRAPHICAL NAMES OF THE NORTHWEST OF KOSTROMA REGION AND THEIR
REFLECTION IN THE DICTIONARY OF DIALECTS OF THE KOSTROMA TRANSVOLGA
(interfluve of the Kostroma and the Unzha)**

***Key words:** geographical names, the Kostroma Transvolga, interfluve of the Kostroma and the Volga, Kostroma akayushchy island, lowland, swamp.*

The article deals with announced in the topic geographical nominations (designation of low-lying places) and connected with them related names of other subject groups of the interfluve of the Kostroma and the Unzha space, where the compact territory of Kostroma akayushchy island occupies an extensive area. The objective of this article is to determine nominative qualities, structural, semantic and functional peculiarities of the dealt vocabulary as the indicator of the place of the analysed dialects in the dialect division of Russian language.

Территория современной Костромской области расположена по левую (Заволжье) и правую (Приволжье) сторону р. Волги. Причём большая часть её находится в Заволжье и лежит в бассейнах трёх больших притоков р. Волги: Костромы, Унжи и Ветлуги. Наряду с хорошо развитой речной сетью на территории области имеется целый ряд замкнутых естественных водоёмов в виде различной величины озёр. Самыми большими озёрами в области являются Галичское и Чухломское [4, 23–28].

Объектом рассмотрения в данной статье являются географические номинации той части пространства Костромского Заволжья, которая расположена в Междуречье Костромы и Унжи и где значительную по протяжённости площадь занимает компактная территория Костромского акающего острова (КАО). Последняя включает в себя говоры Солигаличского, за исключением селений по реке Соwege на границе с Вологодской областью, целиком Чухломского, части Буйского, Галичского, Парфеньевского и Кологривского районов.

Специфика уникального Костромского акающего острова, как известно, заключается в том, что его говоры являются среднерусскими, смешанными, с севернорусской основой и южнорусским наслоением. В своей монографии и ряде публикаций мы исследовали в лингвогеографическом плане различные тематические группы лексики КАО и установили почти полное господство на сегодняшний день севернорусской по происхождению лексики на этой территории [2]. Здесь же подобную задачу мы ставим по отношению к географической терминологии и однокоренным наименованиям на

их основе, всей обширной территории междуречья Костромы и Унжи, включающей как акающие, так и окающие говоры, которые по классификации Г.Г. Мельниченко находятся в шестой лексической зоне на территории Владимиро-Суздальского княжества и являются однородными по составу и происхождению [8]. На их основе, как известно, формируется топономастикон любой местности, и их можно рассматривать как ономастическую периферию. Наше исследование опирается на материалы Словаря говоров Костромского Заволжья (междуречье Костромы и Унжи) Н.С. Ганцовской (47 п. л.), находящегося в печати в изд-ве «Просвещение» (г. Москва).

Географические названия и образования на их основе являются активной и наиболее устойчивой составляющей говоров, в силу чего могут служить ареальными маркерами, показателями их глотто- и этногенеза, а также и более позднего демогенеза. В большинстве своём они, имея общерусское распространение и праславянское происхождение, обеспечивают связь с другими диалектными системами, тем самым сохраняя единство общенационального языка и говоров Славии. Вместе с тем, обладая определённой спецификой в составе и объёме инвентаря географических номинаций и их словообразовательном и функционально-семантическом потенциале, ареальных связях, они могут свидетельствовать о месте данного языкового идиома в диалектном членении русского языка и шире – Славии.

Представим географические номинации и однокоренные образования от них (в данной статье только пониженных форм рельефа) Междуречья Костромы и Унжи на указанном нами материале в виде широких тематических групп с пересекающимися функционально-семантические полями внутри них, к исследованию которых может быть применён одновременно и ономастиологический, и семасиологический подход. Они номинируют планарные ландшафтные объекты, связанные с обозначением болот, и образуют однокоренное гнездо со словами, включающими флористические и фаунистические элементы значения, способные, наряду с другими признаками, дать опосредованное обозначение данной формы рельефа: **боло'твина, боло'тина, боло'тник, боло'тники, болотня'к, болотя'нка**; – различного рода, точечные и планарные, объекты, углубления почвы и водоёмов: **бакла'чина, ба'лка, бездо'нка, боча'г, бочажи'стое место, буера'к, бе'режное ухо, бузу'н, враг, вра'жина, вы'манья, व्यон, вязу'чее болото, глуби'нка, ендова', зажо'ра, зажо'ринка, зы'бочный, зыбь, исто'к, калу'га, калу'жа, калу'жина, колдоба'нь, коло'дчик, ко'пань, кочкова'тик, кочкова'тое болото, лог, лоци'на, лы'вина, лы'винка, ля'га, ляд, ля'да, ляди'на, мша'ра, музга', озери'нко, око'шко, ило'вина, я'ма**; Ранее топонимика костромского культурного ландшафта, основывающаяся на географических названиях, в широком масштабе территории всей Костромской области на материале живых говоров и произведений писателей детально рассматривались Г.Д. Негановой (напр., см. [8]), а географические названия-апеллятивы и микропонимы в говорах Костромской области, образованные на их основе, Е.В. Цветковой [15].

Приведённые выше названия как бы конкретизируют и уточняют свидетельства географов о ландшафтных особенностях костромского края: по качеству рельефа он принадлежит к равнинным, изобилует болотами (они занимают 60% его территории) с редкими возвышенностями. «Возвышенности эти народ называет горами, потому что не знает настоящих гор» [5, 408]. Различные виды растительности костромского края под влиянием климатических и почвенных условий образуют отдельные естественные группировки: леса, луга, болота и др. Самой большой формацией на территории области являются леса. В поймах рек и озёр распространены аллювиальные почвы, наиболее плодородные, в пониженных местах они переходят в болотные и полуболотные [1, 12].

Самой объёмной группой лексики Междуречья Костромы и Унжи, связанной с обозначением пониженных форм рельефа, по составу, способам мотивации, номинативном разнообразии её членов и структурно-семантическим особенностям, является гнездо с корнем *болот-*, отражающее значимость для данной культурно-исторической зоны понятия 'низкое, болотистое место'. Само слово **боло'то**, высокочастотное в говорах данной местности и вершинное в гнезде, но отсутствующее в нашем словаре, поскольку последний построен по принципу словаря дифференцированного типа, может считаться ядерным в ряду слов с этим корнем как наиболее выразительное

и цельное по географической семантике. Слова **боло'твина** в 1 значении (*Разве можно в экой-то болотвине строить?* Чухл. (Ножкино) и **боло'тина** (*Болотина-то у нас – это высыхающее озеро.* Галич. (Курьяново) значит то же, что и слово **боло'то** и **боло'тина** в литературном языке [14, 105]. Близко к ядерному и 2 значение 'лу́жа, грязь' слова **боло'твина**: *Хоть бы доску бросили – такая-то болотвина коло дому.* Буйск. (Елегино). Контекст выявляет тонкие нюансы в значениях слов **боло'твина** и **боло'тина** в зависимости от географии их распространения в регионе. Если они употребляются вблизи Галичского и Чухломского озёр с широкой заболочённой полосой вокруг, то в них активизируется сема 'низкое место с влажной, непросыхающей почвой', если далеко, то у них появляются дополнительные семы – 'обширное низменное пространство, где на возвышенных местах может расти лес' или же 'небольшое заболоченное место, подобное грязной луже'. В одном из вятских говоров В.Г. Долгушев выявил подобное употребление слова **боло'тина**: в значении 'лу́жа', а также 'лес, растущий на болоте' [3, 328, 195].

Ряд лексем со значением 'болото' представлено словами с корнями *зыбь-* и *топь*: **Зыбь**, ж. Болото. *За лесом нет деревни, там одна зыбь.* Буйск. (Ликурга); *На топях-то огромный болотняк растёт.* Чухл. (Мазаево). Прилагательное **зы'бочный** в сочетании с лексемой **боло'то** акцентирует внимание на глубине последнего, смертельной для человека, и имеет значение 'топкое место', в атрибутивном же комплексе **зы'бочная дорога** нейтрализуется значение 'топкое место' и остаётся значение 'неровного, неудобного места передвижения, но неопасного для жизни': **Зы'бочный**. 1. Зыбкий, топкий (о болоте, местности). *Аккуратно идите, там болото зыбочное, не утоните.* Солиг. (Куземино). Слову **зы'бочный** в составном наименовании данного региона для обозначения одного и того же денотата соответствует слово в вятских говорах с этим же корнем, но иным суффиксальным средством – **зы'бельный** (зы'бельное место), там же суффикс *-ель* оформляет и предметные номинации *зыбелица, зыбелище, зыбельник* [3, 330].

Значения 'низкое место' и 'влажность, мокрота' являются необходимыми составляющими семемы 'боло'то'. Они реализуются и в лексеме **подпа'рыши** в нашем словаре, которую можно считать синонимом слова боло'то: «Низкое влажное место, где растут грибы. *Сухары-то у нас встречаются только на подпарышах.* Солиг. (Твердислево)». Эти же семы характерны и для слова **мочаж'на**, зафиксированного в словаре А.В. Крюкова в матвеевском говоре Парфеньевского района, значение которого дополнительно подчёркнуто ядерной семой 'бессточное место', характеризующее всякое болотистое место любых размеров, местоположения и степени влажности [6, 150].

Относительно небольшое по размерам (скорее точечное, чем планарное) пониженное место, наполненное влагой, но иного локуса: не в лесу, а на дороге или в населённом пункте, в парфеньевских говорах называют **лы'вой** («лу́жа вообще») [6, 140], **калужей**, **калу'жиной** («большая лужа»), **калы'вой**, **калы'виной** («большая непросыхающая лужа» [6, 115]. В наших материалах **лы'ва** многозначно: в солигаличских, буйских, галичских говорах слово отмечено в значении 'лу́жа около жилья или на дороге'. То же значение имеют и слова **калу'жа** и **калу'жина**. В чухломских говорах **лы'вой** называют или большую лужу типа озерца (*Утки вон в лыве плавают.* Чухл. (Коровье) или же низину, сырое заболоченное место (*Через лыву без сапог не перейдёте.* Чухл. (Серапи́ха). *Он сегодня коров в лыве пасёт, там трава хорошая.* Чухл. (Судай). Специфической чертой говоров в районе Галицкого озера является использования слова **лы'ва** в переносном значении для обозначения удобрения из озера, сапропеля.

Лы'вина в галичских, буйских и солигаличских говорах обозначает глубокую лужу, чаще всего в форме глубокой колеи на дороге, залитой водой (*Колёса-то до самого верху в лывине тонут.* Буйск., **лы'винка** же номинирует небольшую влажную полянку в лесу. **Калу'га** в буйских говорах – 'стоячая вода в низине' (*На том лугу не пройдёшь, калуга одна.* Буйск. (Куребрино). Подобное значение наблюдается у этого слова в вятских говорах: «КАЛУГА. Топь, болото. Куда ты пошёл, там калуга! Сн.» [9, 19].

Флористический элемент **болотня'к** 'лес, растущий на болоте' (*На топях-то огромный болотняк растёт.* Чухл. (Мазаево), географическая сема которого усиливается за счёт соотнесения со словом **топь** 'глубокое болото' в иллюстративном дискурсе словарной статьи, относится к периферии, но довольно близкой к ядру рассматриваемого поля. В вятских говорах, по наблюдени-

ям В.Г. Долгушева, значение 'лес, растущий на болоте' «манифестируется... лексемами *болотник, боло'тняк, (боло'тняк), шохра' (шо'хра, со'гра, со'хра)*, наиболее употребительной из которых является лексема *шохра'* и её фонематические и акцентологические варианты» [3, 47]. В материалах нашего словаря лексема *шохра'* отсутствует, но, по свидетельству А.В. Крюкова, она имеется в матвеевском акающем говоре Междуречья Костромы и Унжи: «Шохра – нестроевой бросовый лес и угодя его произрастания. См. Чёрный лес, еушинник, соры [6, 302]. Наконец, также из материалов словаря А.В. Крюкова, к списку лексем, обозначающих объекты мира растений с корнем **болот-** надо добавить наименование миконима **боло'товик**, обозначающего гриб-моховик [6, 38]. Все эти наименования, как говорят географы, обозначают сообщества (ассоциации) болота и лесной растительности. К фаунистическим периферийным элементам поля названий низменного ландшафта можно отнести слова **болотя'нка** 'болотная ящерица' (*Болотянку-то ни за что не поймаетшь, она, бывает, хвост оторвёт, а сама убежит. Чухлома*) и **боло'тник**, обозначающий 'мифический персонаж на болоте' (*Из этого болота только болотник и выведет. Буйск. (Ильино)*). Элемент крайней периферии поля 'болото' артефакт **боло'тники** 'непромокаемые сапоги с очень высокими голенищами', широкого употребления во всех говорах Междуречья, хотя и принадлежит к «обувному» коду и косвенно соотносится с понятием 'человек', но благодаря общему корню достаточно определённо смыкается с полем географически низменного кода 'боло'то'.

В повсеместно распространённых в говорах Междуречья Костромы и Унжи слове **боча'г** и составном наименовании **бочажи'стое место** географическая сема 'глубокое место' варьируется, указывая, благодаря контексту, на местонахождение локуса: в болоте, реке, любом водоёме, овраге, обрастая добавочными созначениями, указывающими на ценностные для человека качества этого элемента культурного ландшафта. **Боча'г**, м. 1. Глубокое место в реке, озере, омут. *Раньше мы на бочаги купаться ходили. Галич. (Чёлсма)*. 2. Водоём со стоячей водой, бывшая часть реки. *Весной много бочагов в овраге. Буйск. (Ликурга)*. **Бочажи'стый**. Изобилующий бочагами. *Там места сырые, бочажистые. Галич. (Лопарево)*. Вблизи села Матвеева Парфеньевского района, по свидетельству А.В. Кострова, **бочаг'ом** называли 'небольшой омуток в ручье' [6, 40]. Слово **глуби'нка** манифестирует то же значение, что и **боча'г**, но по отношению к иному локусу – Галичскому озеру: **Глуби'нка**, ж. Глубокое место в озере. *Туда никто не ходит (на лодке), потому что там глубинка. Галич. (Рыбная слобода)*. Там же слово **вы'манья** обозначает прорубь во льду озера для ловли рыбы, а одна из прорубей, откуда вытаскивается невод, называется **бе'режное ухо**. Глубокое место в реке может быть обозначено словом **я'ма** (*Рыбу-то на яме ловил? Чухл. (Панкратово)*), трясина в болоте – **бузу'н**, провал в реке – **зажо'ра, зажо'рина**, опасный для жизни, засасывающий человека провал в реке **выюн** и провал в болоте – **око'шко**, небольшое озерцо на болоте – **бакла'чина**, гиблое место в трясине – **бездо'нка**. **Ля'га, ляд, ля'да** и **ляди'на, лядо'чек** могут обозначать в говорах междуречья как болотистое, низкое место в лесу, так и непроходимое место в болоте, а в переносном значении словом **ляди'на** могут назвать и лужу у дома, и пролитую воду в помещении.

Словом **музга'** в галичских говорах номинируется значительное углубление, яма с водой, используемая как колодец: *Воды нонче таскать не надо: Павел в огороде музгу вырыл. Галич. (Степаново)*. Таково же, как и в последнем случае, значение слова **колдоба'нь** в буйских говорах: «**Колдоба'нь**, ж. Яма. *Новую колдобань надо под колодец копать. Буйск. (Ильино)*». Слова **исто'к** ('родник'), **ко'пань** ('яма с водой, выкопанная в земле'), **коло'дчик** ('родник, ключ') также можно определить в эту группу точечных обозначений пониженного рельефа местности.

Низкое место, по форме напоминающее выемку, являющееся значением слова **ендова'**, может обозначать не только относительно ровное место, пригодное для сельскохозяйственных работ, но и заболоченное: *Посылают боронить, бывало, бригадир кричит: «На ендову поедете!»*. Галич. (Туровское).

Слова **ба'лка, враг, вра'жина, буера'к** 'овраг' номинируют низину линейного характера разного формата, как сухую, так и заполненную водой (*Балки-то у нас неглубокие, да их и не очень много. Вокруг Оглоблина буераков много. Солиг. (Оглоблино)*). В матвеевском говоре **буера'к** отличается от слова овраг по нескольким параметрам значения: размерам – это, собственно, не овраг, а небольшое углубление в почве с особенностями конфигурации – длинные впадины; по

локальным чертам и условиям образования – «промоины на полях и дорогах»: «БУЕРАКИ (БУЕРАК) – длинные небольшие узкие впадины, промоины на полях и дорогах, начала растущих оврагов» [6, 42]. Надо думать, что и в остальных случаях на территории Междуречья буераки обозначают особый тип оврагов извилистой конфигурации, которые образуются от весенних потоков воды и расположены на покато́й местности, возможно, в виде рытвины на дороге. С этим значением ‘рытвина, ухаб, ложбина’, и также в парфеньевских говорах Костромской области (наряду с говорами Антроповского и Костромского районов) и ряде ярославских, слово **буера’к**, по данным Ярославского областного словаря, почти так же частотно, как и в первом значении ‘овраг’ [16, 28]. В костромских и ярославских говорах слово не образует гнезда, если не считать единичного употребления глагола **буера’шить** ‘приводить в беспорядок’ (*Смотри, не буерашишь половики*) в говоре Любимского района Ярославской области [Там же]. И хотя Словарь русских народных говоров [13, 251], фиксирует слово в вологодских (по данным Словаря говоров Русского Севера оно функционирует в формах **барла’к**, **барлаву’жина**, **барлалу’жина** и др. [10, 64–65], вятских, ярославских и др. севернорусских говорах, в том числе уральских и сибирских, оно более характерно для южнорусских говоров, имеется и в Подмосковье. Видимо, эта лексема имеет поздний демо́генезис, и, возможно, была занесена в Костромское Заволжье московскими дворянами, получившими после событий Смутного времени от Михаила Романова земли черносошных крестьян Чухломского и Солигаличского уездов. То же, как кажется, можно сказать и относительно слова **ба’лка**. Имеются определённые сомнения в исконности для севернорусских говоров слова **музга’**. Оно функционирует в орловских говорах в том же значении, что и в галичских: «яма, заполненная водой», а также со значением «грязь, слякоть» [12, 153–154], в донских говорах Волгоградской области **музга’** обозначает ‘небольшое заболоченное озеро, образующееся в пойменных лугах после половодья, разлива реки или же это ‘сырая низменность’ [11, 377–378]. Как кажется, гапакс **музга’** в материалах нашего Словаря в костромских говорах – случайное и позднее явление.

В целом же привлечённые для анализа географические номинации и их однокоренные производные демонстрируют особенности севернорусского, достаточно давнего глотто́генеза и этно́генеза как на территории КАО, в акающих говорах, так и вне его, в окающих говорах Междуречья Костромы и Унжи. Даже будучи широко известными во многих русских говорах, в зависимости от многих причин, большей частью экстралингвистического характера, они в определённом локусе всегда приобретают особые семантические оттенки, становятся «семантическими диалектизмами» не только по отношению к литературному языку, но и к иным диалектам.

Литература

1. Владимирский, Н. Костромская область : ист.-эконом. очерк / Н. Владимирский. – Кострома : Костром. кн. изд-во, 1959. – 355 с.
2. Ганцовская, Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова : проблемы типологии / Н. С. Ганцовская. – СПб. : Наука; Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 226 с.
3. Долгушев, В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономазиологическом аспектах : моногр. / В. Г. Долгушев. – М. : МПГУ, 2006. – 415 с.
4. Ерёмин, Г. Природа Костромской области / Г. Ерёмин. – Кострома : Костр. обл. гос. изд-во, 1947. – 74 с.
5. Костромская губерния // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Репринт. изд. 1890 г. – М. : Терра, 1991. – Т. 31 – С. 408–413.
6. Крюков, А. В. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. – Кострома : Фабрика сувениров, 2015. – 308 с.
7. Мельниченко, Г. Г. Лингвистические карты: приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (территориальное распространение, семантика и словообразование) / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1974. – 94 с.
8. Неганова, Г. Д. Названия низменных мест Костромского Заволжья в живой народной речи и в произведениях костромских писателей / Г. Д. Неганова // Вестн. Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2012. – Т. 18, № 3. – С. 80–82.
9. Областной словарь вятских говоров / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров : ВятГТУ, 2008. – Вып. 5. – 230 с.

10. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2001. – Т. 1 : А–В. – 252 с.
11. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. – Волгоград : ВГИПК РО, 2007. – Вып. 3 : К–Н. – 516 с.
12. Словарь орловских говоров (Л, М) / науч. ред. Т. В. Бахвалова. – Орёл : ОГПИ, 1994. – 168 с.
13. Словарь русских народных говоров / АН СССР. – Л. : Наука, 1968. – Вып. 3. – 360 с.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2 изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 698 с.
15. Цветкова, Е. В. Географический термин бочаг в костромской топонимии / Е. В. Цветкова // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 3. – С. 76–79; Цветкова, Е. В. Географический термин *низина* в костромской микротопонимии / Е.В. Цветкова // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V междунар. конф. по истор. географии, Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Ч. 1. – С. 223–227.
16. Ярославский областной словарь / редкол.: Г. Г. Мельниченко (науч. ред.). – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1982. – Вып. 2. – 58 с.

В.М. Генкин

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vgenkin@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ОЙКОНИМИИ ВИТЕБЩИНЫ И СМОЛЕНЩИНЫ

Ключевые слова: ойконим, ландшафт, ландшафтный ойконим, топонимная система, пространство, лингвокультурологический подход, языковая картина мира.

Статья посвящена ойконимии двух соседних регионов – Витебской области Республики Беларусь и Смоленской области Российской Федерации. Объектом непосредственного рассмотрения выступает группа названий, в которых прямо или косвенно отражена идея пространства. Целью анализа является установление пространственных и иных ландшафтных приоритетов, что важно для воссоздания языковой картины мира.

V.M. Genkin

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

SPACE MARKS IN THE OIKONYMY OF THE VITEBSK AND SMOLENSK REGIONS

Key words: *oikonym, landscape, landscape oikonym, toponymic system, space, linguistic and cultural approach, language picture of the world.*

The article is devoted to the oikonymy of the two neighboring regions such as the Vitebsk region of Belarus and the Smolensk region of the Russian Federation. The object of the study is a group of names representing directly or indirectly the idea of space. The purpose of the analysis is to establish the spatial and other landscape priorities to reconstitute the linguistic picture of the world.

Топонимия любого региона формируется в условиях определенного природного ландшафта, который прямо или косвенно влияет на характер не только отдельных названий, но и топонимной системы в целом. До того периода, когда номинация географических объектов начала осуществляться на основе преобладающего антропоцентрического взгляда на окружающий мир и ключевую роль стали, соответственно, играть антропотопонимы, основной массив топонимов составляли названия, «привязанные» к реальным, в первую очередь природным, объектам. На этот факт неоднократно указывали исследователи: «По-видимому, названия этой группы появились